

17. Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете: 1906–1911. М., 1991.
18. Футорянский Л.И. Подворное обследование всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи на Дону в 1917 г. // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность. Ростов-на-Дону, 2008.

С.Л. Мерзляков

*Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина*

ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНКИ РЕФОРМАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П.А. СТОЛЫПИНА

Высоко в исторической памяти стоит Петр Аркадьевич Столыпин. Ныне это имя окружено величайшим уважением, безусловным признанием. А знакомство с биографией этого человека, его делами, поступками, с его блистательными речами в Думе подтверждает, что России выпала удача иметь во главе деятеля исключительного калибра, знавшего, что делать для страны, и имевшего мужество осуществлять задуманное (чего стоит один его ответ на вопрос: «Не боитесь ли, Петр Аркадьевич?» – «Я уже считаю себя убитым и потому ничего не боюсь»).

Однако это мы высоко оцениваем П.А. Столыпина, и история. А современники судили жестче. Ругань со всех сторон была постоянным аккомпанементом его деятельности. Для монархистов П.А. Столыпин был дьяволом во плоти, они полагали, что своей земельной реформой он рушит традиционную Русь, дополнительно впускает язву частного предпринимательства, а с ним и «западный дух», который все погубит в России.

Для левых – противников самодержавия революционного либо конституционного толка – П.А. Столыпин также был не реформатором, а негодяем: он ведь работал на самодержавие, пытался укрепить «основы». Так, кадеты А.И. Чупров и А.А. Кауфман, являвшиеся сторонниками частной собственности на землю, высказывались против поспешного разрушения крестьянской общины, усматривая в этом продукт бюрократического творчества, способный породить лишь революцию [См.: 9, с. 82–83; 20; 34]. Другой член кадетской партии

А.П. Изгоев в очерке, посвященном жизни и деятельности П.А. Столыпина, обвинил его в стремлении держаться за власть даже ценой отказа от собственной программы. Что, по его мнению, и привело к краху преобразований [13, с. 3–4, 127–130].

Даже гибель П.А. Столыпина никого не опечалила. При назначении В.Н. Коковцова председателем Совета министров, последовавшего в день смерти Петра Аркадьевича, Николай II произнес: «Надеюсь, что Вы не будете заслонять меня, как Столыпин». А императрица добавила: «Вы очень чтите память Столыпина и придаете слишком много значения его деятельности, его личности. Не надо жалеть так тех, кого не стало... Он уже окончил свою роль и ему нечего уже было более исполнять. Опирайтесь на доверие государя... Столыпин умер, чтобы уступить место вам, и это – для блага России» [21, с. 66]. Радовались не только в придворных кругах. «Широкая общественность» также считала, что сгинул еще один сатрап [7, с. 284–285; 36].

Власть нигде особенно не любят. И везде смотрят на нее с долей недоверия и пристрастности. Бесчисленные опросы на этот счет общественного мнения в США показывают, например, что большинство американцев считают: власть притягивает к себе не лучших людей, а политика – грязное дело. Известный американский социолог Ирвин Кристолл вычеканил фразу, ставшую популярнейшей в стране: «Политическая деятельность – это удовлетворение собственных амбиций за счет общества».

Общечеловеческой является и неспособность сразу и верно оценить реформаторов и реформаторские усилия. Во всех странах у преобразователей нелегкая жизнь. Во всех странах их критикуют и в них разочаровываются. Это только глядя из исторической ретроспективы, обществу следовало им аплодировать. На самом деле успешность преобразований была всегда неочевидной, появлялись непредвиденные и неприятные побочные результаты, чьи-то интересы болезненно задевались реформами, обществу приходилось нести жертвы и т.п. Если кто-то думает, что, например, деятельность Ф. Рузвельта, Дж. Кеннеди, Ш. де Голля проходила под неутрачивающие аплодисменты, то это грубая ошибка. Значительная часть общественного мнения была настроена решительно против них.

Но в России отворачивание общества от власти часто носило характер настоящей эпидемии. И причин тому, на наш взгляд, несколько. Во-первых, сказывалась такая известная черта русского общества, как податливость к общераспространенному мнению, склонность к

конформизму. Российское общество до революции было и продолжает быть до сих пор обществом чрезвычайно внушаемых людей, которое привыкло шарахаться из крайности в крайность, а не коллективистское. Искони русское общество было коллективистским, отсюда и тяга к конформизму. А она исчезает лишь тогда, когда складывается общество индивидуумов. Индивидуум же становится типичной фигурой общества лишь в условиях экономической независимости и демократии – когда человек, хочешь не хочешь, должен быть независим, самостоятельно судить и принимать решения, чтобы жить. Среднему российскому человеку поэтому всегда было свойственно, вынося собственную оценку, прислушиваться: а как думают другие? Какое сложилось мнение? И чаще всего примыкать к нему – под видом принятия самостоятельного решения.

Во-вторых, среди россиян распространена черта, которой удивлялся еще французский посол в дореволюционной России. Морис Палеолог: мгновенно верить плохому о своих вчерашних кумирах. Причем неправдоподобно плохому [24, с. 158].

Существует целая литература о том, отчего в России так плохо удавались реформы, отчего страна невероятно трудно преобразовывала себя. Указан целый ряд причин: громадное сопротивление незаинтересованных в преобразованиях сил (легко прослеживается в связи с любой реформой, начиная от петровских и кончая созданием Думы в начале нынешнего века или совсем недавней демократизацией политической жизни); инертность, безразличие значительной части общества, созданные веками жизни по принципу «Моя хата с краю» (единственный принцип, позволявший выжить в условиях деспотизма); неумелость власти (что мы очень хорошо чувствуем сейчас); неспособность реформаторов объединяться с умеренными в противостоянии консерваторам. Наверное, есть еще какие-то.

Но вот, что в этом перечне отсутствует, так это упоминание того обстоятельства, что сами прореформистские силы и круги в обществе оказывались, как правило, ненадежными в смысле поддержки реформ. Разъедаемые все тем же синдромом подозрительности, видящие преобразованный процесс как простенький, легкий для осуществления, они быстро отшатывались от него, как только он являлся перед ними во всем своем реальном – трудном, медленном, «грязном» – виде. Не было прочной опоры для реформаторства даже на самом реформаторском фланге общества. Реформаторский фланг де-факто «сдавал» реформы. Полностью или в значительной части.

Уходу с политической сцены П.А. Столыпина очень поспособствовала его травля либералами-реформистами. Убит он был не из-за земельной реформы. Точка зрения, что революционеры убили его за то, что предвидели стабилизирующее воздействие реформы на общество, тоже не заслуживает доверия. Ведь реформа поначалу шла так плохо, что выглядела больше как дестабилизация, а не стабилизация. Его убили, скорее всего, за контртеррор. За знаменитое «не запугайте». Однако факт и то, что П.А. Столыпин был уже намечен к отставке царем под давлением правых сил. А одним из доводов было: им все недовольны, включая либералов.

Реформизм – это очень тяжелая, очень трудная политика, в которую входят и неудачи, отступления, повороты назад, некоторые сдачи позиций, как ее неизбежная составная часть. Если иметь в виду крупные преобразования, меняющие всю жизнь, уклад общества, то они нигде в мире не шли ровно, гладко, безусловно успешно. И они везде порождали новые проблемы. Но российское общественное мнение тяжелый, несовершенный ход реформы неизменно принимало за отсутствие реформы или отказ от нее. Жаждающее реформ, это мнение просто не узнавало их в их реальном виде.

Торможение – компонент глубокой реформы. Как можно было ждать быстрой отдачи от столыпинского аграрного преобразования? Сам он полагал, что отдача будет через двадцать лет, она могла быть и через сорок.

Приходится констатировать, что российским реформаторским силам – всегда достаточно крупным хотя бы по причине очевидной необходимости многих преобразований в любой период существования страны – по сути дела, не была присуща реформистская позиция. Она лишь выглядела таковой. Жажда видеть нереально быструю отдачу, требование во всем идти до конца, слепота к реальным трудностям и неизбежным издержкам преобразований, вообще громадная нетерпеливость во всем делали эту позицию, по существу, революционной, а вовсе не реформистской. Реформизм, преобразования, перемены: упорядоченное созидание новой жизни – это были чаще всего лишь пустые слова. То, что таилось за ними, было жаждой переменить все быстро, круто, результативно. Стопроцентно революционная, а не реформистская установка. Вместо реформистской выносливости общество проявляло революционное нетерпение.

Самодержавие не могло проводить реформы общества, опираясь на традиционные его сословия – крестьянство как класс, стоявший вне

политики, и дворянство как класс, органически связанный с данной системой. Основной причиной срыва всех попыток реформ, начиная с 1861 г. и кончая преобразованиями С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, была общая неготовность народа к их восприятию. Поэтому реформы оказались невостребованными обществом, что также повлекло за собой резко негативное отношение к личности их автора у основных социальных групп, которые так и не смогли интегрироваться в новые социальные и правовые структуры [4, с. 15].

Для советских историков тон ругательный, даже оскорбляющий личность реформатора задал еще В.И. Ленин. П.А. Столыпин объявлялся им вешателем, крепостником, реакционером, слепым и послушным слугой самодержавия и т.п. [22].

Данные оценки легли в основу советской историографии, посвященной столыпинской реформе. В работах В.С. Дякина, К.Ф. Шацилло, А.Я. Авреха и других указывалось на пороки реформаторского курса. Исследователи обвиняли реформатора в стремлении проводить политику вне демократии и вопреки ей, сохраняя самодержавие и помещичье землевладение [1, с. 265; 8, с. 19; 35, с. 360].

Только в конце перестройки традиционный для советской историографии образ Столыпина-вешателя уступил место почтительному взгляду на него как на мудрого государственного деятеля, девизом которого были: сильная власть, разумные реформы, мощная имперская Россия, национальные приоритеты, зажиточный народ [33].

Особую точку зрения высказал А.И. Солженицын. Он превратил П.А. Столыпина в символ загубленных возможностей великой страны, в героя, вершителя судеб [29, с. 198, 223 и др.]

Наиболее сбалансированный подход к оценке Столыпина-политика, твердой рукой пресекавшего любую крамолу и вместе с тем убежденного в необходимости скорейшего проведения целого комплекса экономических, социальных и политических реформ, нашел отражение в серии работ П.Н. Зырянова. Исследователь довольно подробно осветил и деятельность П.А. Столыпина сначала на посту саратовского губернатора, а потом министра внутренних дел и председателя Совета министров в период первой российской революции [11, 12].

Среди исследований научного характера, по-новому трактующих реформу, нам хочется отметить поволжских историков [2; 3; 5; 6; 10; 14; 15; 16; 19; 26; 30; 31].

В конце 1990-х г и в начале XXI в. в публицистической и реже – в научной литературе получили распространение положительные

оценки столыпинской политики [25; 27; 17; 32]. Сторонников современных радикальных реформ, поднимающих П.А. Столыпина на щит, привлекают три аспекта, актуальных, по их мнению, и для нынешней России: во-первых, попытка создания рыночной экономики и насаждение частной собственности на землю; во-вторых, опора на порядок и диктатуру в осуществлении целей и реформ; в-третьих, создание великой России.

Конечно, имеются в научной литературе и критические оценки. Так, С.С. Секиринский в статье «Российские реформаторы: сюжет и книга в контексте научной литературы последних лет» дал обстоятельный анализ критических оценок деятельности П.А. Столыпина, содержащихся в научной литературе [28].

Публицистика также по-прежнему представлена полярными оценками. Например, известный публицист Сергей Кара-Мурза даже назвал П.А. Столыпина отцом русской революции [18].

Но, на наш взгляд, наиболее удачную и научно аргументированную оценку деятельности П.А. Столыпина, вызвавшую положительную оценку научной общественности, дал С.Ю. Наумов в своем докладе «П.А. Столыпин и современность» на Столыпинских чтениях в Поволжской академии государственной службы, посвященных 140-летию со дня рождения П.А. Столыпина [23].

Подводя итоги историографического анализа, хочется подчеркнуть, что и ныне среди исследователей есть как восхвалители, так и критики преобразователя. Но, давая противоречивую оценку его реформам, авторы сходятся в главном: признании у П.А. Столыпина недюжинного ума, знаний, воли, твердости, личной порядочности и смелости, т.е. качеств, без которых он не состоялся бы как реформатор.

Библиографический список

1. Аврех А.Я. Петр Аркадьевич Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.
2. Азанов В., Ванеева В. П.А. Столыпин в Саратове // Столыпин. Жизнь и смерть. 1862–1911 гг. Саратов, 1991.
3. Быкова В.А., Коновалов Г.А. Столыпинская аграрная реформа и некоторые проблемы ее реализации в Саратовской губернии // Балашовский исторический журнал. 1994. № 1.

4. Власть и реформы в России. Материалы «круглого стола», посвященного обсуждению коллективной монографии петербургских историков // Отечественная история. 1998. № 2.
5. Воронежцев А.В. Столыпин и земство // Земское обозрение. 1995. 17 марта.
6. Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов: Изд. СГУ, 1985.
7. Гучков А.И. Речь, произнесенная 3 октября 1911 г. в Петербургском Клубе Общественных деятелей // Убийство Столыпина. Свидетельства и документы. Рига, 1990.
8. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство. 1907–1911. Л., 1978.
9. Егоров Ю. Чупров против Столыпина. Аграрные преобразования в России // Свободная мысль. 1993. № 4.
10. Запорожцев А. П.А. Столыпин: Саратовский период // Большая Волга. 1991. 12 января.
11. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992.
12. Его же. Петр Столыпин: Политический портрет. М., 1992.
13. Изгоев А.П. Столыпин: Очерк жизни и деятельности. М., 1912.
14. История Саратовского края: учебное пособие. Саратов, 1996.
15. Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982.
16. Его же. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов, 1990.
17. Казарезов В.В. Петр Аркадьевич Столыпин и аграрная реформа начала века // Сибирские огни. 1991. № 4.
18. Кара-Мурза С. Столыпин – отец русской революции. М., 2002.
19. Катков С. Кресло № 5. Штрихи к портрету П.А. Столыпина // Годы и люди. Саратов. Вып. 6. 1992.
20. Кауфман А.А. К вопросу о происхождении в России общины. М., 1906.
21. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. М., 1992. Т. 2.
22. Ленин В.И. Полное собрание сочинений.
23. Наумов С.Ю. П.А. Столыпин и современность. Саратов, 2002.
24. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.
25. Петров Р. Петр Столыпин: одиночество реформатора // Россия. 1990. 22 ноября.
26. Пиреев А.И. П.А. Столыпин – Саратовский губернатор (1903–1906 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1997.
27. Поляков Ю., Шмелев Н. Здравый смысл // Литературная газета. 1989. № 30.

28. Секиринский С.С. Российские реформаторы: сюжет и книга в контексте научной литературы последних лет // Отечественная история. 1997. № 3.
29. Солженицын А.И. Красное колесо: повествование в отмеренных строках. Узел 1. Август Четырнадцатого. М., 1990.
30. Столыпин. Жизнь и смерть (1862–1911): сборник / сост. Г. Сидоровнин. Изд. 2. Саратов, 1997.
31. Столыпин: жизнь и смерть. Сборник публицистики / сост. А. Серебренников, Г. Сидоровнин. Саратов, 1991.
32. Сытин А. Петр Аркадьевич Столыпин // Московский журнал. 1993. № 12.
33. Тютюкин С.В. Первая российская революция в отечественной историографии 90-х годов // Отечественная история. 1996. № 4.
34. Чупров А.И. Мелкое земледелие и его основные нужды. М., 1918.
35. Шацилло К.Ф. Николай II: реформы и революция // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России. IX – начала XX в. М., 1991.
36. Шубинский И.П. Памяти П.А. Столыпина // Правда Столыпина. Т. I. Саратов, 1999.

Е.А. Кирьянова, Э.С. Лобода

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ БУЛЫГИН: СУДЬБА ТИПИЧНОГО МОНАРХИСТА

Среди существующих в истории нарицательных названий («потемкинские деревни», «столыпинские виселицы») есть одно, которое нельзя не вспомнить, размышляя о бурных и трагических событиях начала XX века. «Булыгинская дума» стала так и нереализованным проектом весьма ограниченного народного представительства, а сам Александр Григорьевич Булыгин, волею судеб очутившийся в водовороте революционных событий 1905 года, оказался совсем не готов к той роли, которая была ему отведена.

Александр Григорьевич Булыгин родился в 1851 году в Рязанской губернии. Он происходил из старинного дворянского рода, родоначальником которого являлся Гавриил Васильевич Булыгин, служивший в 1628–1648 годах городовым дворянином в Рязани.